

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АЗИИ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

*К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА
КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1966

Э. Н. Наджим

«ХОСРАУ И ШИРИН» КУТБА И ЕГО ЯЗЫК

Одним из наиболее ценных памятников художественной литературы XIV в. на тюркском языке является «Хосрау и Ширин» Кутба, который считается вольным переводом одноименного поэтического романа азербайджанского поэта Низами, написанного на персидском языке. Единственный дошедший до нас список этого произведения хранится в Национальной библиотеке в Париже, в Ancien Fond Turk под № 312. Сохранившаяся копия снята в 1383 г. в Египте, в Александрии, при последних кыпчакских правителях поэтом-кыпчаком Берке Факихом.

А. Н. Самойлович определил эту рукопись и ее язык как золотоордынские и отнес ее к наиболее ранним памятникам этого государства¹. Он считал, что памятник создан на территории Золотой Орды, а в Египте снята дефектная копия. Этот памятник в литературоведческом плане у нас впервые был изучен в Ленинграде А. Т. Тагирджановым (см. его канд. дисс.).

Будучи в Париже, с рукописью бегло познакомился покойный Е. Э. Бергельс, он считал труд Кутба неудачным переводом².

В 1934 г. А. Н. Самойлович в Стамбуле на Втором языковедческом конгрессе сделал на эту тему доклад, который в 1935 г. был опубликован на турецком языке³.

Памятник в целом во многих отношениях изучен крупным польским востоковедом А. Зайончковским. Результаты этого изучения отражены в ряде работ.

В 1945 г. он впервые опубликовал факсимиле отдельных страниц с вступительной статьей, где подвергает рукопись деталь-

¹ А. Н. Самойлович, *К истории литературного среднеазиатского тюркского языка*, — «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 6.

² Е. Э. Бергельс, *Навои*, М.—Л., 1948, стр. 54.

³ Cuci Ulusu veya Altın Ordu edebi dili, — «Türk Dili Beleteni», Ankara, 1935, s. 34—49.

ному изучению, сопоставляя ее с персидским оригиналом, и дает беглые сведения о языке рукописи. Приводятся им в этом издании наиболее интересные лексические материалы ⁴.

Вопрос о языке рукописи был загрохнут и М. Ф. Кёпрюлюзаде в 1945 г. Он определил его как смешанный огузско-кыпчакский литературный язык XIV в. Золотой Орды ⁵.

В 1948 г. А. Зайончковский выпускает в двух частях факсимиле рукописи и транскрипцию, а в 1961 г. полный словарь тюркской части лексики. Словарь составлен на латинской основе в алфавитном порядке с соответствующими примерами, а в нужных случаях и с краткими ссылками на другие памятники и словари ⁶. В 1961 г. Зайончковский публикует первую часть своего исследования, посвященную стилистике и поэтике этого произведения ⁷.

А. Зайончковский не соглашается с мнением А. Н. Самойловича о дефектности дошедшей до нас копии поэмы и считает ее полноценной. К такому выводу он пришел, сличив перевод Кутба, раздел за разделом, с персидским оригиналом.

Рукопись «Хосрау и Ширин» Кутба состоит из 280 страниц по 42 стихотворные строки на странице и разбита на 90 глав. Содержание почти всех глав соответствует содержанию соответствующих глав романа Низами. В соответствии со средневековой литературной традицией роман начинается славословием бога и его пророков. Затем в романе Низами идет славословие в честь Шаха Музаффар-ад-дина Кызыл-Арслана, а Кутб заменяет эти главы славословием в честь шах-заде Тени-бека, сына Узбека, правившего после отца в Ак-Орде, которая находилась в вассальной зависимости от Кок-Орды, и посвящает свой труд ему, вскоре убитому его братом Джани-беком, правившим в столице Золотой Орды Сарая, и жене Тени-бека. Следует отметить, что в заглавии этого последнего раздела она названа впоследствии переписчиком Берке. Быть может, жена Тени-бека была убита одновременно с мужем подосланными из Сарая убийцами. Как видно из содержания раздела, посвящение написано при жизни Тени-бека и его жены.

⁴ А. Zajączkowski, *Zabytek językowy ze Złotej Ordy «Husrev u Širîn» Qutba*, Warszawa, 1954.

⁵ «İslam Ansiklopedisi», 3 cilt, İstanbul, 1945, s. 278 (статья «Çağatay edebiyatı»).

⁶ А. Zajączkowski, *Najstarcza wersja turecka «Husrāv u Širîn» Qutba*, t. I (текст), Warszawa, 1958; t. II (факсимиле), 1958; t. III (словарь), 1961.

⁷ А. Zajączkowski, *Studia nad stylistyką i poetyką tureckiej wersji «Husrāv u Širîn» Qutba*, — RO, 1961, pp. 31—82.

Представляет интерес, почему труд посвящен Тени-беку, а не правившему одновременно с ним в Сарае, в столице Золотой Орды, его брату Джани-беку. Этот факт, очевидно, свидетельствует о том, что книга написана не в Сарае. Мало того, по-видимому, даже за пределами Кок-Орды, где-то, быть может, вне территории Ак-Орды. С другой стороны, Тени-бек назван в посвящении *Шахзада Тени-бек хан* («Царевич Тени-бек хан»). Почему, если он в это время правил в Белой Орде и был почти самостоятельным ханом этой части Золотой Орды, он назван царевичем? Быть может, книга преподнесена была до его восшествия на трон, когда он еще был царевичем, при жизни отца — Узбека? Если так, то она могла бы быть написана и в Кок-Орде. Однако она завершена в 1341 г., а Узбек умер за год до этого, в 1340 г. В этом же году в Сарае начал править его сын Джани-бек, а его брат Тени-бек уже правил как полновластный правитель далеко отсюда, в Белой Орде. Он назван одновременно ханом. Действительно, он в это время уже правил, а назван царевичем, нам представляется, просто для того, чтобы подчеркнуть его феодальную зависимость от Кок-Орды, или, быть может, это следует рассматривать как второй компонент составного собственного имени, который указывает лишь на его ханское происхождение.

Египет был связан непосредственно с Сараем, а Тени-бек никогда не правил в столице всего государства. Тем более вызывает удивление следующий бейт поэта:

Йўрисўн Мыср-у Шам да йарлығьңыз
 'Пусть ваши приказы действуют в Египте и Сирии'.

Этот бейт, это пожелание поэта наводит на мысль о том, что, по-видимому, в этот период между двумя царевичами шла упорная борьба за ханский престол в Сарае, что и привело к трагической гибели Тени-бека и его жены. Поэт, по всей вероятности, поддерживал партию Тени-бека — акордынцев. Поэт, когда завершил свой перевод, был уже в пожилом возрасте, ибо в конце славословия он говорит о том, что благодаря покровительству Тени-бека Кутб проводил бы время как юноша и жил бы при хане.

Тени-бек правил в Белой Орде немногим более двух лет. Из славословия, посвященного царице, мы узнаем, что поэт специально приехал к Тени-беку. Обычно при убийстве хана страдали и окружающие его люди. Быть может, тогда же, вскоре после окончания книги и преподнесения ее Тени-беку, поэт погиб при дворе хана вместе с ним. В результате этого в дальнейшем рукопись могла попасть в Сарай и оттуда в Египет, где через 42 года была снята Берке данная копия.

Расхождение с персидским оригиналом имеется и в разделе о причинах, побудивших поэта взяться за перо. Здесь речь шла уже не о составлении, а о переводе и о тех причинах, которые побудили его «сварить из меда Низами халву» и созданную таким образом книгу преподнести Тени-беку и прославить его имя.

Далее поэт пишет о мучительном пути, проделанном им ко двору хана:

Мурадым ерди ким бу қәпуғда
Келип йол тәпсамән теп бу тәпуғда.
Сәфәр рәнжин көрјн қач аййам,
Тәпуғқа йеттим емди ош сәрәнҷам
 'Моей мечтой было к тому двору
 Добраться и найти дорогу к услужению в нем.
 Испытав [в продолжении] столько дней трудности
 пути,
 Добрался я до службы, теперь конец всему'.

Ясно, что если ставка Тени-бека была где-то в низовьях Сыр-Дарьи, то поэт не местный житель, а специально приехал к ханскому двору издалека, испытал трудности пути.

Вторая половина этого раздела — замечательное прославление любви, перекликающееся со стихами Низами.

А. Зайончковский, как мы упоминали выше, раздел за разделом, сличил перевод Кутба с персидским оригиналом Низами и пришел к выводу, что это полноценный, но вольный перевод, что содержание тюркоязычной рукописи полностью совпадает с содержанием поэтического романа Низами.

Следует, однако, отметить, что более детальное сличение тюркоязычного «Хосрау и Ширин» Кутба с персоязычным Низами не по заглавиям разделов, а по содержанию всего романа ясно показывает, что его канва, сюжет и его развитие остаются такими же, как в персидском оригинале, но в процессе перевода было внесено столько изменений, что роман на новой почве фактически превратился в назиру, т. е. в ответ на роман Низами, в результате мы видим полуоригинальный самостоятельный роман. В отдельных местах Кутб вводит в роман описания роскошной светской жизни золотоордынского двора, затрагивает отдельные бытовые и нравственные стороны жизни государства в целом. Таким образом, поэт дает не простой перевод романа Низами, а творчески его перерабатывает в соответствии с условиями жизни своей страны. Оставляя без изменения композицию и сюжет романа Низами, поэт смело пользуется в передаче образов романа изобразительно-выразительными средствами, понятными в мест-

ных условиях. Роман Низами содержит 7000 бейтов и написан по типу месневи размером хазадж. Кутб же, сохраняя форму стиха и размер шестистопного укороченного хазаджа, парадигм которого $\cup - \text{---} - \text{---} | \cup - \text{---} - \text{---} |$, сократил его до 4700 бейтов.

Дошедший до нас список относится к 785/1383 г. К роману приложено послесловие переписчика Берке-Факиха, кыпчака, жившего тогда в Египте, где и указана дата переписки.

Что же представляет собой данный памятник в языковом отношении? Каково отношение языка данного памятника к языку некоторых других памятников, как «Мухаббат-наме» Хорезми, среднеазиатский «Тефсир», «Нахдж аль-Фарадис» и т. д., которые в основном были созданы в том же XIV в., на той же территории? Для выяснения этого мы детально изучили тюркскую часть лексики памятника.

Всего в романе оказалось 2500 слов тюркского происхождения. В это число входят варианты, связанные с неустойчивостью орфографии и диалектальным разнообразием.

Сравнительное изучение языка ряда памятников, созданных в XIV в., показывает, что язык «Хосрау и Ширин» Кутба как по фонетике, так и в отношении морфологии и лексики значительно отличается от языка таких памятников XIV в., как «Мухаббат-наме» Хорезми или «Гулистан» Сейфа Сараи. С другой стороны, язык Кутба во многих отношениях близок к языку среднеазиатского памятника того же XIV в. «Кысас» Рабгузи, памятника неизвестного происхождения «Нахдж аль-Фарадис» и др. К этой же группе памятников относится также памятник неизвестного происхождения «Сирадж аль-Кулуб» и среднеазиатский «Тефсир». Все они имеют общую языковую основу.

Тюркская часть лексики языка Кутба значительно отличается от лексики «Гулистана» и «Мухаббат-наме» прежде всего количеством архаических элементов, наличием значительного количества таких слов, которые не зафиксированы даже в «Диване» Махмуда Кашгари. Это одна из наиболее характерных особенностей лексики Кутба. Отличается его лексика еще и тем, что она содержит значительно большее количество уйгурских элементов. Многие производные слова образуются от общетюркских основ при помощи явно уйгурских аффиксов. Это увеличивает в языке памятника количество уйгуризмов.

Мы не делим анализируемую лексику на семантические разряды, ибо объем ее ограничен содержанием и характером данного памятника. Что касается употребления разнодиалектных и иноязычных слов, то это также в значительной степени зависит от характера поэтического произведения. Данный поэтический роман написан арабо-персидским размером аруз, основанным на чере-

довании долгих и кратких слогов в стихотворных строках. Поэтому поэту часто приходится в нужных случаях (по требованию размера) прибегать к использованию синонимов самого разного происхождения. Так обогащается язык поэта разнодиалектной и разноязычной лексикой. Конечно, в этом отношении немаловажную роль играет обстановка, в которой жил и творил поэт, а также существующая литературная среда, литературная традиция, и диалектальная принадлежность самого поэта.

Подсчет диалектальной части лексики Кутба показывает, что в основе языка поэта лежит не кыпчакский, а огузский диалект; огузских элементов в романе гораздо больше, чем кыпчакских. Их больше не только в сравнении с языком Сейфа Сарай или Хорезми, но значительно больше, чем в произведениях среднеазиатских тюркоязычных поэтов, предшественников Навои и самого Навои. Почти такое же место занимают в языке памятника уйгурские элементы. Однако уйгуризмы в языке Кутба являются результатом влияния уйгурской литературной традиции карахидского периода. Они не характерны для местных диалектов, а являются принадлежностью книжного языка. Что касается кыпчакских элементов, то употребление их является естественным, поскольку они — принадлежность языка определенной части местного населения, поэтому, исходя из данных лексики языка Кутба, в отличие от языка Сейфа Сарай и Хорезми, его можно было бы назвать о г у з с к о - к ы п ч а к с к и м, испытавшим очень сильное влияние уйгурской литературной традиции.

Для того чтобы иметь представление о диалектальном разнообразии лексического материала нашего памятника, мы выделили группу непроемных имен и глаголов, начинающихся с гласного звука, в количестве 650 слов и получили данные, приводимые нами ниже. Конечно, такой метод подсчета дает результаты лишь в первом приближении. Следовало бы привлечь к анализу большее количество материала, даже всю лексику. Кроме того, безусловно, отнесение того или иного слова к тому или иному диалекту — дело очень трудное и сложное, ибо слова, которые раньше употреблялись в том или ином диалекте, в дальнейшем могли перестать употребляться в этом диалекте. Слова, которые являлись общетюркскими или были принадлежностью нескольких диалектов, в дальнейшем могли сохраниться не во всех этих диалектах. И, наоборот, слова, употреблявшиеся лишь в каком-либо диалекте, могли в дальнейшем проникнуть и в другие диалекты. Так, например, в современном туркменском языке немаловажное место занимают кыпчакские, а в азербайджанском кроме кыпчакских еще уйгурские элементы. Следует отметить, что не всегда помогают и исторические данные для определения диалектальной

принадлежности того или иного слова. Поэтому полученные нами данные в некоторой степени являются условными.

Лексика языка поэта по диалектам распределяется следующим образом:

	Имена	Глаголы	Всего
1. Огузские	8 ⁰ / ₀	4 ⁰ / ₀	12 ⁰ / ₀
2. Юго-восточные	16 ⁰ / ₀	5 ⁰ / ₀	21 ⁰ / ₀
3. Кыпчакские	6 ⁰ / ₀	2 ⁰ / ₀	8 ⁰ / ₀
4. Огузо-восточные	2 ⁰ / ₀	1 ⁰ / ₀	3 ⁰ / ₀
5. Огузско-кыпчакские	2 ⁰ / ₀	1 ⁰ / ₀	3 ⁰ / ₀
6. Восточно-кыпчакские	7 ⁰ / ₀	7 ⁰ / ₀	14 ⁰ / ₀
7. Общeturкские	28 ⁰ / ₀	11 ⁰ / ₀	39 ⁰ / ₀
	69 ⁰ / ₀	31 ⁰ / ₀	100 ⁰ / ₀

Эта таблица очень показательна. Естественно, в языке Кутба общeturкские элементы составляют две пятых проанализированного количества слов, причем простых имен в два с половиной раза больше, чем производных глаголов. За общeturкскими следуют слова юго-восточной группы, которые составляют немногим больше одной пятой части тюркской части лексики памятника. Отношение имен к глаголу — три к одному. Необходимо учесть еще то, что восточные элементы в языке Кутба в основном не являются принадлежностью языка каких-нибудь местных племен, а являются результатом влияния литературной традиции. Среди восточных элементов солидное место занимают архаизмы. Все это убедительно показывает, как сильно было влияние литературной традиции караханидского периода на лексику литературных деятелей в XIV в. Кроме того, не следует забывать, что определенное количество восточных слов является общим с огузскими и кыпчакскими языками. При присоединении их получаем для восточной группы $21\% + 3\% + 14\% = 38\%$. При 8% кыпчакских огузские составляют 12%, т. е. в полтора раза больше кыпчакских. При присоединении слов общих для огузского получаем $12\% + 3\% + 3\% = 18\%$, а для кыпчакского — $8\% + 3\% + 14\% = 25\%$. При таком подсчете картина резко меняется, и, наоборот, кыпчакских слов оказывается в полтора раза больше. Вот такое процентное соотношение и дает нам право называть язык Кутба в лексическом отношении весьма смешанным, а учитывая основные данные, считать его огузско-кыпчакским, испытавшим сильное влияние восточной литературной традиции, традиции книжного языка, привнесенной на территорию Золотой Орды из Средней Азии.

Язык Кутба богат синонимами. Синонимы разноязычные и разноплеменные. Представляют интерес разноплеменные сино-

нимы. Особо следует отметить синонимичное употребление архаических слов. Так, например:

азын-азын и параллельно *өнгин-өңин* 'другой, кроме',
өкүш и *ингән*, *талим-телим* 'много',
иди и *изи* 'бог, господин, хозяин',
аймақ и *айдмақ* 'говорить',
битикли и явно монгольское *бижикли* 'написанный',
тақы и *тақын*, *дағы* 'еще',
тәнүк и *тәнүг* 'свидетель',
тапу и *тапуғ* 'поклонение, служба',
текрү и *теки* 'до',
зәндүяч и *сәндүяч* 'соловей',
сарғармақ и *сәрармақ* 'желтеть',
қалаш и *кайаш* 'родня, родственник',
қата и *қурла* 'раз',
кузуғ и *қуйуғ* 'колодец',
кәз, *әзгү* и *йиг* 'хороший',
йару, *йары*, *йансы* (*йан+сы*) и *йөн* 'сторона',
йәшрү и *йәшнү* 'тайно, скрытно',
йора и *йорағ* 'толкование',
йигли и *сөгәл* 'болезнь, больной' и т. д.

Часто параллельно с архаическими элементами выступают в качестве синонима неархаические:

I. *азақ* и *айақ* 'нога, ноги',
 II. *азақ* и *айақ* 'чаша',
аз и *ат* 'имя',
азырмақ и *айырмақ* 'отделить, разлучить',
азын и *бәшқа* 'другой, кроме',
ашну и *бурун* 'раньше',
үчүнч и *үчүнчи* 'третий',
узымақ и *уйумақ*, 'спать, уснуть',
өкүш и *көп* 'много',
әзәрләмәк 'оседлать' и *ийәр* и *ийяр* 'седло',
ичрә и *ичиндә* 'внутри',
аймақ и *айтмақ* 'говорить',
инжү и *йинжү*, *йинжи* 'жемчуг',
боз и *бой* 'стан, фигура',
бәлгүрмак, *бәлгүртмак*, *бәлгүрмәк* и *бәлүрмәк* 'вы-
 явить',
тәба и *тәбару* 'в сторону',
тәшира и *тәшқару* 'вне',
толун, *толуғ* и *толу* 'полный',
тызмақ и *тәймақ* 'запрещать',

текрј и *тек* 'до',
тейј и *теп* 'говоря, думая',
мәңиз и *чырай* 'лицо, физиономия',
қолмақ, *сорамақ* и *сормақ* 'просить',
қанда, *қайда*, *қайда* 'куда, где',
қазғу и *қайғу* 'горе, печаль',
қымырса и *қарынча* 'муравей',
қозмақ и *қоймақ* 'класть, положить',
қаршу и *утру* 'против, напротив',
қурла и *қат* 'раз',
кәз и *йәхиы* 'хороший',
кизмәк 'одевать' и *кәйдүрмәк* 'надевать',
күйдүрмәк и *кәйдүрмәк* 'сжигать',
кирмәк 'входить' и *кәйгүрмәк* 'вводить',
йару и *йән* 'сторона',
йәпурғақ и *йәпрақ* 'лист',
йалғуз и *йалғузун* 'одиноко',
йәшнә и *йәшрән* 'тайно, скрытно' и т. д.

Если в архаической части в качестве синонимов выступают разнодиалектные по тому времени слова, то во втором списке, когда приводятся архаические и неархаические синонимы, один из них обычно является словом, относящимся к юго-восточной группе, а иногда оба являются юго-восточными.

В качестве синонимов используются и разнодиалектные слова, которые употребляются и в наши дни в огузской, кыпчакской и восточной группах языков. Таковы, например:

ачы и *ачығ* 'горький',
ары и *арығ* 'чистый',
ағач и *йәғач* 'дерево',
әркли и *әрклиғ* 'вольный',
атлы и *атлығ* 'конный, верховой',
алар, *анлар* и *олар* 'они',
андан и *андын* 'от него, оттуда, затем',
узақ, *алыс* и *ырақ* 'далеко',
йүзрә и *үст* 'на, над, верх',
улу и *улуғ* 'большой, великий',
отурмақ и *олтурмақ* 'сидеть, жить',
ойанмақ и *ойғанмақ* 'просыпаться, проснуться',
уйумақ и *уйуқламақ* 'уснуть, спать',
исси и *иссиғ* 'жарко',
издәмәк и *изләмәк* 'искать',
ығламақ и *йығламақ* 'плакать',
ел и *елиғ* 'рука, руки',

ел и улус 'народ',
 бағлы, бағлығ и бағлық 'связанный',
 булмақ и тапмақ 'находить',
 булунмақ и табулмақ 'находиться, обнаружиться,
 быть найденным',
 татмақ 'пробовать на вкус' и татығ 'вкус',
 татлы и татлығ 'вкусный',
 тўрлў и тўрлўғ 'разный',
 толу и толуг 'полный',
 тилли и тиллиғ 'имеющий язык',
 чыра и чырағ 'лучинка, светильник',
 сары и сарығ 'желтый',
 сычан и сычқан 'мышь',
 сораммақ и сораммақ 'просить',
 қаты и қатығ 'твердый, жесткий',
 бөрў, бөри и қурт 'волк',
 қуртқарғу 'избавление', қутқармақ и қутармақ
 'избавлять, спасать',
 қучақламақ и қучамақ 'обнимать',
 қонақ и қонуқ 'гость',
 қонақламақ и қонуқламақ 'гостить',
 қой и қойун 'овца',
 қуру, қуры и куруғ 'сухой',
 көпрў и көпрўк 'мост',
 көрклў, көркли и көрклўғ 'красивый',
 кәлтўрмәк и келтўрмәк 'приносить',
 көргәзмәк, көргўзмәк и көстәрмәк 'показать',
 көләнкә и көлигә 'тень',
 кичи и кичиг 'маленький',
 муңлы и муңлуғ 'печальный',
 йарлы и йарлығ 'бедный',
 йашлы и йашлығ 'пожилой',
 йазмақ и йаңылмақ 'ошибаться',
 йўклў и йўклўғ 'нагруженный',
 йуванмақ и йупанмақ 'утешаться' и т. д.

И в данном случае один из синонимов неизменно юго-восточный, а другой общетюркский, огузский или кыпчакский.

В памятнике богато представлены парные слова. Синонимичные парные слова обычно разноязычны. Когда оба компонента — тюркские слова, они могут быть и антонимами. Может иметь место простой повтор. Компоненты могут выступать в основной форме и в сочетании с аффиксами, частицами, союзами. Они образуются от различных форм глагола как личных, так и неличных и т. д.

Приведем несколько примеров:

арты-арқасы 'опора',
аш-су 'еда, пища',
алтун-күмүш 'золото и серебро', 'деньги',
уршу-уршу 'беспрерывно воюя',
улус-ел 'народ',
айақ-чанақ 'посуда',
ичи-ташы 'со всех сторон',
еркәк-тиши 'совокупность людей'; 'мужчины и женщины',
барым-йоқум 'все мое богатство',
бир-й бар 'один и сущ бог',
тағ-таш 'каменистое место',
түн-күн 'день и ночь, круглый день',
түнма-күндүз 'днем и ночью',
көз-қулақ 'присмотр, надзор',
мал-у тәйяр 'богатство',
күлә-ойнайу 'веселясь',
йемәк-ичмәк 'еда, пища',
ерта-кечә 'утром и вечером',
артуқ-өксүк 'неопределенное количество чего-либо',
азын-азын 'понемногу',
ақрун-ақрун 'потихоньку' и т. д.

Как мы отметили выше, язык памятника богат архаическими элементами. Значительный интерес в этом отношении представляют и некоторые фонетические и морфологические показатели. Таковы, например, слова с *й*-(*w*)-признаком, *ғлы*-показателем, *ғу*-показателем, деепричастные формы на *-у* и т. д.

Значительно количество слов, которые, не являясь архаизмами, носят какие-либо архаические признаки. Таковы, например, слова с *з*-показателем. *Аз* 'имя' лишь по фонетическому признаку *з* является архаическим. Так и *азйрләймәк* 'оседлать' по *з*-признаку является архаическим и противостоит современным *ийәрләймәк* — *әгярләймәк* и т. д.

Аналогичным образом такие слова, как *қутқарғу*, *қутулғу* и т. п., являются архаическими не только по способу своего образования, но и по выполняемой функции в определительных сочетаниях.

Немало в памятнике и таких архаических элементов, которые в наши дни, в современных тюркских языках, совершенно не встречаются; таковы, например, *йбсәм* 'спокойно, молчаливо', *әрдәм* 'мастерство, знание, образование, искусство', *арсықмақ* 'соблазняться, дать себя обмануть', *арқун* 'тихо, медленно, спокойно',

ажун 'мир', *асры* 'много' и т. д. Имеется некоторое количество слов, которые по своему значению являются архаическими, но со временем значительно изменили свою семантику и в наши дни приобрели новое значение. Некоторые же архаические элементы встречаются лишь в составе фразеологизмов, устойчивых сочетаний. Архаические элементы встречаются и в составе парных слов, где второй компонент просто дублирует первый для усиления значения, или же является как бы переводом первого.

По своему происхождению эти архаизмы восходят к разным группам тюркских языков, к восточному, огузскому, кыпчакскому и к периоду тюрко-монгольской общности языков.

Такова краткая характеристика тюркской части лексики этого весьма ценного памятника XIV в., памятника огузско-кыпчакского письменного литературного языка β -группы тюркских языков. Более подробный анализ лексики памятника дан нами в первом томе нашего трехтомного сравнительно-исторического словаря тюркских языков по материалам «Хосрау и Ширин» Кутба, который в настоящее время находится в печати.